

Вся
НОРТОН

ПЕРВЫЕ ФАНТАСТИКИ

Андрэ

НОРТОН

**НЕИЗВЕСТНЫЙ
ФАКТОР**

Москва
2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44
Н82

Andre Norton
DREAD COMPANION
Copyright © 1970 by Andre Norton
DARK PIPER
Copyright © 1968 by Andre Norton
X FACTOR
Copyright © 1965 by Andre Norton
PERILOUS DREAMS
Copyright © 1976 by Andre Norton
ANDROID AT ARMS
Copyright © 1971 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии агентства
Александра Корженевского (Россия)

Издательство благодарит Андрея Зильберштейна
за помощь в подготовке издания

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Нортон, Андрэ.

Н82 Неизвестный фактор : [романы : перевод с англий-
ского] / Андрэ Нортон — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 896 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-90700-7

На протяжении более полувека Андрэ Нортон — один из самых популярных авторов научной фантастики и фэнтези в мире. Ее первые произведения были опубликованы в далеких 40-х годах прошлого века и вызвали бурю восторга у читателей всех возрастов, и жанр научной фантастики обрел бесчисленное количество новых поклонников. В данное издание, помимо заглавного, вошли романы «Опасные сны», «Угрюмый дудочник», «Опасный спутник» и впервые публикующийся на русском языке роман «Андроид, к оружию!».

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-90700-7

© Д. Арсеньев, О. Колесников, С. Сергеев, перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

**НЕИЗВЕСТНЫЙ
ФАКТОР**

Глава первая

Даже ночь на Ваанчарде — тревожное время. Не период мира и спокойствия, когда можно куда-нибудь уединиться. Садовые дорожки сверкают, словно отделаны драгоценными камнями, мягко светится растительность, доносятся новые ароматы и...

Дискан Фентресс сидел, скорчившись, подбородком почти касаясь колен и заткнув пальцами уши. Он и глаза закрыл, чтобы не видеть окружающее, — хотя невозможно перекрыть запахи, которые приходят вместе с воздухом. Рот его шевелился: Дискан боялся, что его позорно вырвет на глазах у всех. Конечно, никто не позволит себе выказать презрение. Все будут продолжать делать вид, будто Дискан Фентресс один из них, и это будет продолжаться, и продолжаться, и продолжаться... Он судорожно сглотнул.

Теперь зеленоватый лунный свет добрался до дорожки, и она замерцала подобно жемчугам. Донесся новый запах, но не агрессивный. Дискан вообще не мог представить себе, чтобы в этом саду что-то было агрессивным. Место для отдыха и развлечений, созданное и доведенное до совершенства ваанами, всегда очень ненавязчивое.

Дискан молча боролся с протестом своей внутренней сущности, пытался разорвать путы этого сада и здания, из которого бежал, этого города, этого окружающего его мира. Его неприятности начались задолго до прилета сюда, на Ваанчард, — начались в тот день, когда Улькен-надсмотрщик на Найборге привел на берег пруда незнакомца, вызвал Дискана из мутной воды — Дискан был по пояс вымазан зеленой слизью — и заговорил с ним так, словно он... не человек, а *тварь*; но у него

ведь есть чувства и разум, такие же, как у всех, даже если тело не такое.

Дыхание вырывалось неровными толчками, почти всхлипываниями. Глаза Дискана могли бы увидеть дорожку и необычную растительность, если бы он захотел, смогли бы оценить волшебную красоту ночи, но сейчас он смотрел в прошлое.

Беды его начались и не в пруду, но много лет раньше. Рот его изогнулся в мрачной гримасе, почти в рыке сдерживаемого гнева. Давно, с самого начала...

Он не мог вспомнить времени, когда бы не сознавал, что Дискан Фентресс — отверженный, неудачно сотворенный образец человеческого материала, которому можно поручить только самую простую и грязную работу. Он не умел правильно пользоваться силой своего необычайно большого тела и ломал все, что хотел починить или сберечь. И мозг его функционировал почти так же, как тело, — медленно и тупо.

Почему? Сколько раз он спрашивал об этом — с того самого времени, как научился думать и удивляться! Но он очень быстро понял, что спрашивать можно только самого себя — и еще ту безличную силу, которая приложила руку к его неудачному сотворению, — а может, наоборот, не приложила.

На Найборге он... можно ли назвать это словом «приспособился»? По крайней мере его использовали для выполнения работ, требующих большой грубой силы, и это оставляло его на большую часть дня наедине — убежище, которого здесь у него нет.

Дискан, вопреки тому что внутренне съезжился, думал о той сцене у пруда. Улькен, грязный, грубый, но все же на шкале ценностей общины стоящий неизмеримо выше Дискана, стоял на берегу с легкой улыбкой на лице и кричал так, словно Дискан вдобавок ко всему еще и глух.

А человек рядом с ним... Дискан закрыл глаза, облизнул губы, прежде чем снова сглотнуть, заставляя себя не... не...

Человек, стройный и гибкий, среднего роста, воплощение кошачьей грации и ловкости, в отлично подогнанной коричнево-зеленой форме изыскателей, с серебряной кометой перворазведчика на груди! Незнакомец выглядел таким чистым, так напоминал идеал снов и мечтаний Дискана, что тот просто смотрел на него, не отвечая на крики и приказы Улькана, —

пока не увидел, как почернело лицо разведчика, когда тот повернулся к надсмотрщику. Улькен задрожал и попятился. Но когда разведчик снова посмотрел на Дискана, Улькен злобно улыбнулся, уходя.

— Ты — Дискан Фентресс? — Недоверие — да, в этом вопросе звучало недоверие, и его было достаточно, чтобы пробудить старое неприязненное сопротивление.

Он вышел из воды, стряхивая с себя комья грязи и слизи.

— Я Фентресс.

— Я тоже. Ренфри Фентресс.

Дискан понял не сразу. Он продолжал вытирать свое большое неуклюжее тело. Но потом ответил — сказал то, что всегда знал.

— Но ты мертв!

— Между этим предположением и реальностью больше светового года, — ответил разведчик, продолжая разглядывать Дискана. И боль, всегда таившаяся в громоздком каркасе из костей и плоти, стала сильнее.

Какая встреча отца с сыном! Но как мог Ренфри Фентресс стать отцом — *его*? Разведчика, которому на какое-то время поручали обязанности на планете, побуждали заключить брачный контракт Службы. Это было вызвано необходимостью воспроизводить особый вид людей, почти мутантов, пригодных к исследованию галактики. Определенные свойства мозга и организма передаются по наследству, и таких людей побуждали производить себе подобных. Поэтому на Найборге Ренфри Фентресс женился на Лиле Клайас. Контракт был заключен на время его пребывания на планете, это законный и общественно признанный союз, Лила получала пенсию, а детей от этого брака ждало многообещающее будущее.

В должное время Ренфри Фентресс получил новое назначение. Согласно «Положению об отбытии», он формально прервал свой брак и улетел, не зная, что будет ребенок, поскольку улетал он по чрезвычайно срочному делу. Восемь месяцев спустя родился Дискан, и, вопреки мастерству медиков, роды были очень тяжелыми, настолько тяжелыми, что мать их не пережила.

Он не помнил первые дни в правительственном приюте, но сканнер личности почти сразу установил, что Дискан Фентресс не пригоден для Службы. Что-то во всем этом тщательно-

ном планировании не сработало. Он не походил ни на мать, ни на отца, он был регрессией, слишком большим, слишком неуклюжим, слишком медлительным в мысли и речи, чтобы стать членом сообщества космических путешественников.

Его подвергли и другим проверкам, множеству проверок. Он теперь не мог вспомнить все их, только помнил, что это было время постоянного раздражения, душевной боли, разочарований и иногда страха. В течение нескольких лет, пока он был еще ребенком, его снова и снова тестировали. Власти не могли поверить, что он такой непригодный экземпляр, как докладывали приборы.

Потом он отказался проходить испытания, дважды убежал из начальной школы. Наконец один из руководителей после недели срывов, приступов мрачного гнева и вспышек агрессивности предложил направить его на работу. Ему тогда было тринадцать, но он уже был крупнее большинства взрослых. И его начали опасаться. Вспоминая это, Дискан испытывал удовлетворение. Но он понимал, что нельзя решать свои проблемы кулаками. Ему совсем не хотелось быть приговоренным к стиранию личности. Он, может, и глуповат, но все же он Дискан Фентресс.

И вот он переходил от одной тяжелой работы к другой, и так проходили годы — пять, шесть? Он точно не знал. Потом на Найборг вернулся Ренфри Фентресс, и все изменилось — к худшему, определенно к худшему!

С самого начала Дискан подозрительно отнесся к отцу из космоса. Ренфри не проявлял своего разочарования, не показывал — по крайней мере с момента первой встречи, — что считает сына неудачей. Но Дискан знал, что скрывается за этим внешним принятием.

Отношение Ренфри стало еще одним неразрешимым «почему», причиняя почти такую же боль, как первое «почему». Почему Ренфри так настойчиво искал сына, которого никогда не видел? Когда родился Дискан, а его мать умерла, Служба начала поиски разведчика, как это и было положено по правилам, чтобы он мог высказать свои пожелания относительно будущего сына. Поиски дали ответ: «Пропал без вести, считается погибшим» — эпитафия многих перворазведчиков.

Но Фентресс не погиб в черных далях космоса, где столкновение с метеором вывело из строя его корабль. Напротив,

его подобрал исследовательский корабль чужаков, занятый аналогичным делом — поиском планет, пригодных для заселения растущей расой.

И у своих спасителей Ренфри нашел дом и новую жену. Когда смог снова вступить в контакт со своими, ему — с большим опозданием — сообщили о рождении сына. И поскольку в новом браке — каким бы счастливым он ни был — потомства у него не могло быть, он искал сына, чтобы привезти его на Ваанчард, где сам Ренфри поселился, подав в отставку по собственному желанию.

Ваанчард — это прекрасный, удивительный рай, о котором всегда мечтала раса Ренфри. Местные жители — само очарование, грациозность, разум, активно использующий воображение. Безупречный мир — был, пока Ренфри не привез сына и тем сам не единожды, но много раз нарушил покой своей семьи.

Дискан отнял руки от ушей, страдая от звуков. Принялся разглядывать свои мозолистые ладони, загрубевшие пальцы. Несмотря на смягчающие мази, его пальцы по-прежнему рвут красивую одежду, оконные занавеси — любую ткань, к которой он прикасается. Эти руки могут и разбить, как было сегодня.

На подушечке правого большого пальца кровь. Это напоминание о том, что случилось недавно там, откуда доносится печальная музыка, не человеческая, но такая, которая пленяет сердце, становится частью тела. Свет, звуки, и теперь, когда он отнял руки от ушей, еще и смех. Они смеются не над ним. Они так добры, так сочувственны. Они не используют смех как оружие; у них вообще нет оружия. Они только стараются не замечать, они прощают, идут ему на уступки — и всегда так делают!

Если бы только он смог возненавидеть их, как ненавидел Улькена и ему подобных! Ненависть — это топливо, придающее человеку силы. Но он не может ненавидеть Друстанса и Риксу, не может ненавидеть Эйнаду, их мать, которая стала женой его отца. Невозможно ненавидеть тех, кто является совершенством по твоим меркам; можно только ненавидеть себя за то, что ты не такой, как они.

От движения пальцев капля крови увеличилась. Она начала медленно стекать, и Дискан слизнул ее.

— Диисскааннн?

Протяжно, словно бы пропето — Рикса! Она его отыщет. Не будет никаких упоминаний об осколках драгоценного камня на белом полу. Никто даже не упомянет о бесценном сокровище, которое превратилось в груды обломков после столетий тщательного сохранения. Если бы они рассердились, если бы хоть раз сказали, что думают, ему было бы легче. А теперь Рикса хочет, чтобы он вернулся с нею. Нет!

Дискан встал. Резная скамья качнулась. Он несколько мгновений отвлеченно и покорно смотрел на нее — она тоже разобьется? Потом зашел за скамью, двигаясь с той сосредоточенностью и осторожностью, которые стали его составной частью со времени появления на Ваанчарде. В то же время он знал, что это бесполезно, что он снова разобьет, раздавит, наступит, растопчет и за ним в этом мире мечты всегда будут оставаться обломки.

Он даже не может скрыться в своих помещениях: слишком часто он проделывал это за последние дни. Они будут искать его в первую очередь там. Но и прятаться в саду, когда его ищет Рикса, нельзя. Дискан осмотрел освещенное здание. Музыка, приходящие и уходящие фигуры во всех окнах, ни одного укрытия, только...

Одна темная комната на первом этаже... Он попытался определить, окна какого помещения не светятся. Точно не смог, но окна манили его, как убежище притягивает к себе раненое животное...

Ощущение собственного несчастья ослабло: он решал, как незаметно добраться до этого убежища. Здесь густо посажены кусты, он может не приближаться к светящимся статуям. Сквозь музыку и голоса из дома он услышал звонкий призыв ночного летающего варча. Варч! Если немного повезет...

— Диисскааннн? — Рикса на дорожке недалеко от скамьи.

Он спрятался за соседним кустом. И сосредоточил все свои мысли на варче, представил себе широкие зеленые крылья, словно усыпанные жемчужной пылью, создающие в полете туманную ауру, увидел тонкую шею, голову с хохолком. Варч... Дискан представлял себе варча, старался ощутить варча.

Неожиданно слева снова послышалась трель, закончившаяся испуганным криком. В тени мелькнуло зеленое тело, направляясь к дорожке. Дискан услышал второй испуганный

вскрик — это Рикса. Но он уже бежал, переходя от одного укрытия к другому, пока не оказался под ближайшим из этих двух окон и не прикоснулся к подоконнику. Сейчас нельзя допустить ошибку — никаких неловких падений. Пожалуйста, ничего не сломать... только пробраться в темноту и одиночество, которые ему так нужны.

И на этот раз его хаотичная молитва не осталась безответной. Дискан спрыгнул с подоконника, и оконные занавеси скрыли его. Он сидел, тяжело дыша, — не от физических усилий, а от напряжения воли, пытаясь подчинить себе неуклюжее тело. Прошло несколько секунд, прежде чем он отвел занавес и принялся разглядывать комнату.

Света единственного слабенького фонаря вполне достаточно, чтобы увидеть, что он действительно нашел убежище, где его не будут искать, — это комната Ренфри. Здесь он держит путевые диски с записями о своих полетах, трофеи своих звездных странствий. В этой комнате Дискан никогда не был, и у него не хватило бы храбрости сюда войти.

Он на четвереньках выбрался из-за занавеси и сел посредине пустого пространства, подальше от всего, что можно уронить и разбить. Обхватил тяжелыми руками колени и осмотрелся.

В этой комнате жизнь человека. А как будет выглядеть его комната, если после его смерти выставят на обозрение то, что от него останется? Обломки и кусочки, разорванные и испачканные ткани — и медлительные, тупые слова, неверные поступки, малозначительные, но вызывающие слезы у него и окружающих. Дискан поднес руки к голове — не для того, чтобы заглушить доносящиеся из-за двери звуки музыки и гул голосов, а чтобы потереть голову, смягчить тупую боль, которую он всегда ощущает на Ваанчарде, когда не спит. Но самому себе он не кажется тупым, по крайней мере пока не попытается передать на словах свои мысли и чувства; как будто у него неудачное соединение внутреннего мира с наружным и он не может хорошо и точно общаться даже со своим телом, не говоря уже об окружающих.

Но ведь кое-что он может делать! Рот Дискана расслабился, на его лице появилась легкая улыбка, которая изумила бы его самого, если он мог в этот момент посмотреть в зеркало. Да, кое-что он может делать, и делает совсем не неловко. Этот

варч... он подумал о варче, о том, что тот должен сделать, и варч сделал именно то, что ему захотелось, и сделал быстрее и более ловко, чем сделали бы его собственные руки по приказу мозга.

Так бывало и раньше, когда он оставался один. Он никогда не пытался продемонстрировать это перед другими: его и так считают странным, и незачем добавлять еще одну странность. Он умеет общаться с животными — вероятно, это означает, что он гораздо ближе к ним, чем другие, что он — шаг назад на сложном пути эволюции. Но варч отвлек внимание Риксы на несколько необходимых секунд.

Дискан расслабился. В комнате тихо, звуки веселья звучат здесь слабее, чем в саду. И внешне это помещение кажется менее чужим, чем все остальные в доме. Ткани занавесей на окнах тоже местного изготовления, но здесь цвета их не кажутся здесь такими ускользающими. Они как-то теплее. И, если не считать одного кружевного спирального предмета на столе, в комнате нет никаких местных украшений. А стеллаж с путевыми дисками, должно быть, перенесли прямо с корабля.

Он разглядывал этот стеллаж, шевелил губами, считая диски, — каждый в своей ячейке. Свыше ста планет — ключи к более чем ста мирам, — на всех этих планетах в то или иное время побывал Ренфри Фентресс. Стоит только вставить любой диск в автопилот корабля, и корабль перенесет человека на планету...

Сначала синие ленты — планеты, исследованные Фентрессом, теперь открытые для колонизации. Их десять, таким достижением можно гордиться. Желтые диски — планеты, на которых не может жить человек. Зеленые — населенные туземными расами, планеты открыты для торговли, но закрыты для поселения. Красные... Дискан смотрел на красные. Их всего три, они в самом низу стеллажа.

Красное означает неизвестное — планеты, на которые было совершено только одно приземление, об этом сделан доклад, но в остальном планета не исследована. Да, на ней нет разумной жизни и климат и атмосфера пригодны для человека, но планета представляет собой какую-то загадку. Какой может быть эта загадка, думал Дискан. На мгновение он забыл о своих неприятностях и заботах. Возможны сотни причин, по

которым планету обозначают красным цветом. Такая планета ждет дальнейших исследований.

Ключи к мирам — а что, если воспользоваться одним из них? Дискан снова опустил руки на колени, но чуть согнул пальцы. И начали возникать мысли, совершенно ясные для него самого — пока он не пытался перевести их в слова или действия.

Синяя планета — еще один Найборг или Ваанчард. Зеленая — нет, он не испытывает желания встретиться еще с одной расой чужаков, да и приземление его на такой планете будет сразу замечено. Желтая — это смерть, тоже своего рода выход, но еще слишком молод и положение его не настолько отчаянное, чтобы думать о таком исходе. Но эти три красные...

Он облизал губы. Слишком долго он оставался замкнут в самом себе и ничего не делал: ведь все равно его действия заканчиваются неудачей. Перед ним ключ, которым может воспользоваться только очень безрассудный человек, такой, которому нечего терять. Дискан Фентресс может считать себя таким человеком. На Ваанчарде он никогда не будет знать удовлетворения. То, что ему нужно, здесь ему не обрести — одиночество и свободу от всего, чем являются они и чем не может стать он.

Но сможет ли он это сделать? Вот диски, а за этим домом, но не очень далеко, порт. На посадочном поле стоят небольшие быстрые корабли. По крайней мере на этот раз внешность хорошо послужит ему. Кто подумает, что тупой инопланетник задумал украсть космический корабль, если у него нет пилотской подготовки, а контрольная рубка небольшого корабля так мала, что он с трудом в ней поместится? Глупый план, но он и сам глуп.

Дискан не стал вставать. Даже сейчас стараясь не шуметь, ничем себя не выдать, на четвереньках, как животное, он добрался до стеллажа с дисками. Крупная рука повисла над тремя красными дисками. Какой? Неважно. Он взял средний, переложил его в карман пояса — но так остается заметное пустое место. Дискан сделал второе перемещение на стеллаже: теперь пустая ячейка в тени, на краю стеллажа. Если ему повезет, пропажу заметят не скоро.

Вставая, он услышал шелчок дверного замка. До укрытия всего два шага. Решится ли он их сделать? И снова мозг и тело